

НАША СТРАНА

Год издания 74-й. Буэнос Айрес, 2 октября 2021

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 2 de octubre de 2021

No 3159

ПЁТР АРКАДЬЕВИЧ СТОЛЫПИН - ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЗА ЦАРЯ

Нынче исполнилось 110 лет со дня убийства П. А. Столыпина – знаковой фигуры для России и русского имперского патриотизма.

Он явно имел особую статью на фоне прочих, равноранговых ему, деятелей последнего периода Императорской России. Возможно даже, что именно он, Пётр Столыпин, и был последним полновзвучным аккордом оборвавшейся симфонии русской государственности.

Благородные и героические фигуры были и после него, но все – ниже рангом и без его властных возможностей. Помнить о столыпинской линии в русской политике – против революции и ре-акции, во имя России и монархии – совершенно необходимо, ибо она наиболее точно воплощает в себе вектор развития настоящей России, указывая на то, чем она должна была и могла стать в XX веке.

Вечером 13 сентября 1911 года в Киевском Оперном Театре давали "Сказку о Царе Салтане". В антракте после второго действия высокий плечистый человек в придворном мундире поднялся со своего места в первом ряду и повернулся лицом к залу, опершись на ограждение, отдававшее партер от оркестра. Никому не известный юноша, сидевший во время спектакля в задних рядах, стремительно приблизился по проходу и, не сказав ни слова, дважды выстрелил в грудь человеку в мундире из револьвера "браунинг".

Жертвой покушения был председатель Совета Министров Российской Империи П. А. Столыпин. Через пять дней он скончался.

Убитый проводил смелые реформы, сочетавшие жёсткое подавление революционного террора и насилия с постепенным развитием гражданского общества, и был убеждённым противником внешней экспансии и войн.

По мнению ряда историков, Столыпин, останься он в живых, не допустил бы большевизмского переворота.

"Столыпин был выдающейся личностью, с твёрдым характером и редкой способностью вдохновлять и вести за собой людей", – так охарактеризовал его британский историк Джеффри Хоскинг.

Современный исследователь Игорь Бунич убеждён, что, если бы программа Столыпина воплотилась в жизнь, к 1940 году Россия, при монархии, экономически обогнала бы Соединенные Штаты Америки.

"Если кто-нибудь мог еще спасти Российскую Империю, то таким человеком был Пётр Столыпин, бородатый, дородный, могучего сложения, представитель богатого поместного дворянства, выходец из провинциальной России", – утверждал американский историк Роберт Мэсси.

Человек из провинции

"Столыпин не имел ничего общего ни с политическими деятелями

из высшей столичной знати, ни с педантичными профессиональными чиновниками, – характеризует его Мэсси. – Столыпин привнёс в столицу и в высшие правящие круги искренность, силу и жизнеспособность того огромного числа энергичных людей, которые населяли провинции России".

Основатель рода Сильвестр Столыпин получил имение за доблесть, проявленную в российско-польских войнах XVII века. Один из Столыпиных служил адъютантом у Суворова, Мария Столыпина стала матерью Михаила Лермонтова, которому, таким образом, будущий премьер приходился троюродным братом. Правда, в семье Столыпиных поэта называли "несносным мальчишкой".

Пётр Столыпин родился в 1862 году в Баден-Бадене во время отдыха матери на этом престижном курорте, детство и юность провёл в Петербурге, где его отец занимал придворную должность, но, сделавшись самостоятельным, предпочёл жить и работать в провинции.

В 1905 году, будучи саратовским губернатором, он справился с крупными крестьянскими беспорядками, причем при минимальном использовании силы. Несколько раз вместо приказа войскам обстрелять взбунтовавшую деревню он один шёл на переговоры и добивался результата.

"Известен эпизод, когда Столыпин в ту пору, когда губернаторов расстреливали, как куропаток, вырезывается в бунтующую толпу, – вспоминал камергер Владимир Лопухин. – На него наступает человек с явно агрессивными намерениями, с убийством во взгляде. Столыпин бросает ему на руки снятое с плеч форменное пальто с приказанием, отданным так, как умеет повелевать одно только уверенное в себе бесстрашие: "Держи!". Ошеломленный человек машинально подхватывает губернаторское пальто. Его руки заняты. Он парализован. Столыпин спокойно держит речь за гипнотизированной его мужеством толпе, и она мирно расходится".

Во второй половине апреля 1906

года Царь Николай II вызвал Столыпина в Царское Село и поручил ему возглавить Министерство Внутренних Дел, считавшееся самым важным в России. Два предшественника Столыпина на этом посту, Сипягин и Плеве, были убиты террористами. Всего через два с половиной месяца, 8 (21) июля, Столыпин был назначен председателем Совета Министров.

Столыпин возглавил правительство на фоне конфликта между исполнительной и законодательной властями. Первая Государственная Дума, собравшаяся 27 апреля 1906 года, на первом же заседании приняла "Обращение к трону", потребовав немедленной бесплатной передачи крестьянам помещичьих земель, амнистии революционеров и назначения правительства, ответственного перед парламентом.

Думское большинство фактически не интересовало ничего, кроме земельной реформы, под которой оно понимало безвозмездную конфискацию помещичьих земель.

Нарушение права собственности породило бы крайне опасный прецедент. К тому же в руках дворян оставалось не более четверти всей земли, а многие сохранившиеся имения представляли собой образцовые хозяйства, трогать которые было явно неразумно. Причины низкой продуктивности аграрного сектора и крестьянской бедности следовало искать не здесь.

Однако думцы продолжали раскачивать лодку. Общее настроение выразил один из депутатов "трудовиков", заявивший: "Сколько прений ни ведите, другого земного шара не создадите. Придётся, значит, эту землю нам отдавать!".

Когда октябрист Михаил Стахович предложил принять заявление, осуждавшее как насилие в отношении революционеров, так и террор против властей, и упомянул, что на 90 казненных за последние месяцы приходится 288 убитых и 388 раненых представителей государства, большей частью простых городских, с левых скамей раздались выкрики: "Мало!".

"Парламентарии в большинстве

своём рассматривали Думу как оппозиционный рупор, как возможность "вести пропаганду и агитацию". Предложения правительства отвергались без всяких раздумий, без попыток увидеть в них рациональное начало", – пишет современный историк Елена Хорватова.

На следующий день после назначения Столыпина Император подписал указ о роспуске Думы. 169 депутатов, главным образом "конституционные демократы", сели на поезд, пересекли границу Финляндии, где полицейский надзор был мягче, и приняли "Выборгское воззвание", предложив избирателям в знак протеста не платить налоги и не служить в армии.

Царь Николай II обозвал воззвание "выборгским кренделем" и специальным указом запретил всем подписантам участвовать в будущих выборах.

Однако II Дума, собравшаяся 20 февраля 1907 года, оказалась намного радикальнее первой. Революционеры называли ее "Думой народного гнева", а депутат-монархист граф Бобринский – "Думой народного невежества".

Левые превратили заседания в сумасшедший дом. Случайно или нет, но во время одного из скандалов в зале обвалился потолок.

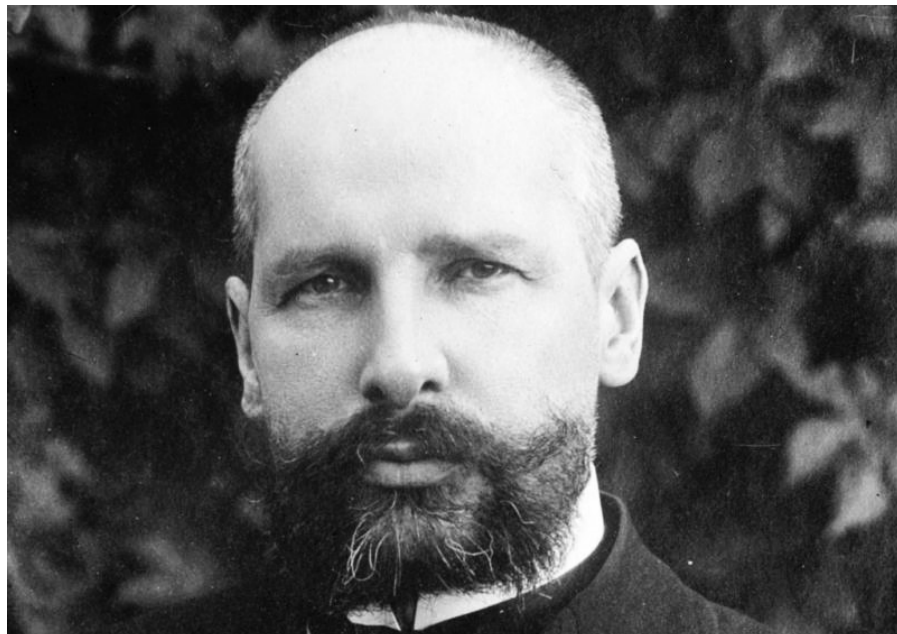
Известна оценка Владимира Ленина: "Витте и Дурново скрутили революцию верёвкой, Столыпин наматал эту веревку на свою нервную дворянскую руку". Неизвестно, какими ассоциациями руководствовался вождь большевиков, но рука Столыпина, по единодушным воспоминаниям современников, была какой угодно, только не "нервной".

Он выступал перед II Государственной Думой трижды и проявлял исключительную уверенность и самообладание, хотя его речи сопровождалось оглушительным шумом и криками: "Довольно!", "Долой!" и "В отставку!". Вошли в историю знаменитые фразы, брошенные премьером в беснующийся зал: "Не запугаете!" и "Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!".

1 июня 1907 года, вспоминал председатель II Думы Фёдор Головин, "на трибуне появилась высокая и мрачная фигура Столыпина с бледным лицом, темною бородою и кроваво-красными губами".

Премьер заявил, что следствие установило вину 55 депутатов-социалистов в ведении подрывной работы в армии и потребовал тут же, не сходя с места, лишить "заговорщиков" неприкосновенности. Дума постановила провести парламентское расследование, но уже через два дня вышел указ о её роспуске. Всех социал-демократических депутатов, не успевших скрыться, арестовали и позднее приговорили к каторге.

Европейские справочники тех лет определяли политический строй России как "конституционную монар-

хию при самодержавном государе".

Прямые и равные выборы и "ответственное министерство" оставались главными требованиями оппозиции до 1917 года.

III Дума, собравшаяся 1 ноября 1907 года, оказалась надёжно консервативной. В её составе, к примеру, насчитывалось 45 православных священников.

Доминировавшие в III Думе партии октябристов и националистов, при общей поддержке правительственного курса, не были марionеточными. Следуя примеру британского парламента, Дума добивалась усиления своей власти через контроль над государственными расходами. Столыпин ввёл в практику регулярные встречи министров с членами соответствующих думских комитетов, которые, по словам Мэсси, "имели важное воспитательное значение для обеих сторон" и "постепенно заменили антагонизм взаимным пониманием". За пять лет работы III Дума рассмотрела 2572 законопроекта.

По оценке Джеффри Хоскинга, Столыпин не просто мирился с существованием III Думы, но отчасти опирался на неё как на противовес интригам придворной камарильи.

"Ставка на сильных"

По образованию и жизненному опыту Столыпин был специалистом в области сельского хозяйства. Его главным деянием на посту премьера стала аграрная реформа, смысл которой он определил словами: "Законы должны писаться для трезвых и сильных, а не для пьяных и слабых".

После отмены крепостного права земля не перешла в руки крестьян на правах личной собственности. Ею распорядилась община ("мир"), которая распределяла её по "душам", по "едокам", по "работникам" или каким-либо иным способом. Из 138 млн десятин наделных земель около 115 млн являлись общинными.

Только в западных губерниях крестьянские земли находились во владении своих хозяев. При этом урожайность была выше, не было случаев голода при неурожаях. Эта ситуация была хорошо известна Столыпину, который более 10 лет занимал там разные административные посты.

9 ноября 1907 года Император издал указ "О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования", в котором говорилось, что "каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли".

Одновременно Столыпин развернул программу переселения малоземельных крестьян на пустовавшие просторы Сибири. Добровольцев щедро наделяли землей, бесплатно доставляли на место их самих, имущество и скот, и выделяли значительные подъемные.

Этой возможностью воспользовались 3,77 млн человек, или 394 тысячи семей.

Сбор зерновых за годы реформы вырос на 14%. В 1909-1913 годах Россия производила больше пшеницы, чем США, Канада и Аргентина, вместе взятые. Правда, этому способствовали несколько выдавшихся подряд урожайных лет.

Число слушателей добровольных сельскохозяйственных чтений, то есть крестьян, заинтересованных в повышении производительности

своего труда, с 1906 по 1914 год возросло с 46 тысяч до 1,6 млн человек.

Общинный уклад поддерживали как социалисты и народники, так и ультраправые, видя в ней - каждые со своей колокольни - преимущество России перед индивидуалистическим Западом.

Левые вели в деревне агитацию, уверяя, будто правительство "гонит крестьян в Сибирь" и "хочет, чтобы мужики дрались из-за своей земли и забыли о барской".

Советские историки подчёркивали, что из общины вышли менее полутора миллионов из 13,5 млн домохозяйств. Однако в этом сказались естественный консерватизм и осторожность. Процесс пошёл по-настоящему уже после гибели Столыпина и был прерван Мировой Войной.

К лету 1914 года о желании выйти из общины письменно заявили свыше шести миллионов сельских хозяев, большинство из которых ожидало завершения землемерных работ и оформления документов. Около 20% "выходцев" продали наделы и переехали в город, что подавалось противниками Столыпина как свидетельство провала реформы, но, с точки зрения правительства, концентрация земли в руках крепких хозяев была желательна.

"Аграрная реформа, безусловно, самое выдающееся из сделанного Столыпиным, - говорит Джеффри Хоскинг. - Война и революция не дали завершить начатое. Социальные преобразования таких масштабов требовали времени. Думаю, Столыпин именно это имел в виду, когда произносил знаменитые слова о "двадцати годах мира и покоя".

"Столыпинские галстуки"

С 1906 по 1911 год на Столыпина было совершено 11 покушений, последнее из которых закончилось его гибелью.

Самым известным стал взрыв на казённой даче премьера на Аптекарском острове в Петербурге 12 августа 1906 года. Двое террористов-смертников, переодетых жандармскими курьерами, явились якобы доставить документы. В портфеле находилась мощная бомба. Когда швейцар в приемной попросил показать ему содержимое, боевики привели взрывное устройство в действие.

Были убиты 36 человек, находившихся в доме. Швейцара разорвало так, что потом не смогли обнаружить даже фрагменты тела. Маленьких сына и дочь Столыпина, стоявших на балконе, сбросило взрывной волной. Девочка потом несколько лет передвигалась в инвалидном кресле. Самого премьера лишь обрызгало чернилами из подскочившего на столе письменного прибора.

Неизвестно, насколько повлияли

на его решимость личные обстоятельства, но уже 19 августа в качестве "исключительной меры охраны государственного порядка" был принят закон, которым в губерниях, находившихся на военном или чрезвычайном положении, вводились военно-полевые суды из офицеров.

Дела рассматривались в течение 48 часов без участия адвокатов, приговоры выносились без права обжалования и приводились в исполнение в течение суток.

За шесть лет действия закона, согласно имеющимся данным, были повешены или расстреляны около 2200 человек, порядка 66 тысяч приговорили к каторге.

Думский депутат Родичев публично назвал петлю "столыпинским галстуком". Премьер в ответ вызвал его на дуэль. Депутат трусливо предпочел извиниться, но выражение вошло в историю.

За взгляды не казнили

С другой стороны, необходимо заметить, что за взгляды и оппозиционную деятельность никого не казнили. Военно-полевые суды рассматривали исключительно дела о тяжких насильственных преступлениях, и лишь в случаях, когда факт преступления был очевиден.

Жертвами революционного насилия стали около 17 тысяч человек, примерно 1600 были убиты террористами, в том числе три министра, восемь губернаторов, четыре армейских генерала и адмирала, 966 полицейских и жандармов. В результате взрывов и стрельбы в людных местах погибло много ни к чему не причастных мирных обывателей.

Для сравнения можно также сказать, что в период сталинского "Большого террора" 1937-1938 годов **ежедневно** казнили в среднем почти столько же людей, сколько за все время "столыпинской реакции". Причём людей невинных.

"При Столыпине за четыре года было приведено в исполнение в 10 с лишним раз больше смертных приговоров, чем за весь XIX век, - говорит Джеффри Хоскинг. - Но нельзя забывать, что стране грозила полная дезорганизация, и что революционеры, со своей стороны, совершили не думали о правах человека".

Жёсткие меры достигли цели. "В течение всей зимы 1908-1909 годов в Петербурге не выходило ни одной нелегальной газеты, не работала ни одна революционная организация. Так же обстояло дело почти повсюду в России", - писал жандармский генерал Герасимов.

Новый "революционный подъем" 1910-1911 годов, о котором говорилось в советских учебниках истории, по мнению большинства современных исследователей, существовал лишь в воображении их авторов.

Недовольных во всех слоях общества хватало, но порядок,

основанный Царём Николаем Вторым Витте и Столыпиным, мог существовать еще долго, если бы не Первая Мировая война.

Германский кайзер Вильгельм говорил, что мечтал бы иметь такого канцлера, как Столыпин.

Комплиментом Столыпину можно было считать и сказанные незадолго до его гибели слова Ленина: "Если это [столыпинские реформы] будет продолжаться и дальше, нам придется отказаться от какой-либо аграрной программы".

Левая и либеральная Россия ненавидела Столыпина как "вешателя".

Писатель Константин Паустовский, в 1911 году бывший киевским гимназистом, вспоминал, как его интеллигентный дядя при известии о покушении на премьера пришёл в радостное возбуждение и заявил, что "должны же были этого прохвоста когда-нибудь убить".

Одновременно влиятельные члены придворной камарильи, наговаривали, что премьер своими реформами разрушает исконные устои русской жизни и вообще слишком много берёт на себя.

Всегда и во всем поддерживали Столыпина Император Николай Второй и Императрица-Мать Мария Фёдоровна. Зять царя Великий Князь Александр Михайлович называл его "замечательным человеком, в котором трезвый реализм сочетался с высокой одаренностью".

"Я не могу тебе передать, как мне нравится этот человек, и какое уважение он у меня вызывает", - писал Император Николай II матери в октябре 1906 года.

Премьер скончался 5 (18) сентября, на пятые сутки после покушения. Киевские черносотенцы намеревались сразу после отъезда царя устроить еврейский погром, но Император его предотвратил, введя в город казаков.

Убийца Столыпина Мордехай Богров был сыном киевского миллионера, членом боевой организации эсеров и одновременно осведомителем "Охранки".

После скорого расследования он был повешен, заявив перед этим, что ему все равно, успеет ли он скушать свои две тысячи котлет.

Согласно официальной версии, соратники разоблачили Богрова и приказали ему "умереть достойно". По другим данным, они якобы давно знали, что Богров пишет рапорты в "Охранку" и не возражали, дабы узнавать через него о замыслах противника.

По официальной версии, Богрова провели на спектакль по указанию начальника киевского охранного отделения Кулябко, чтобы он мог опознать потенциальных террористов.

Внятного объяснения, почему его допустили в зал с оружием, и как могли совершить столь вопиющую оплошность такие опытные профессионалы, как Кулябко и начальник дворцовой охраны Спиридович, не прозвучало.

Ряд историков полагают, что "Охранка" не старалась предотвратить покушение, и нити заговора тянулись в высшие сферы. "Маловажно, - полагает Хоскинг. - Халатность представляется более правдоподобным объяснением, чем заговор".

По мнению Хоскинга, если бы в 1914 году Столыпин оставался во главе правительства, он бы не допустил втягивания России в европейскую войну. Другое дело, что не всё зависело от его воли. Как не зависело и от воли Императора.

Ф. Сергеев

Государь Император Николай Второй в сопровождении премьера Петра Аркадьевича Столыпина (второй справа)

НЕПРИЗНАННЫЙ ПРОРОК В СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ

К 130-летию со дня рождения Ивана Лукьяновича Солоневича

Монархические политические убеждения на протяжении долгого времени автоматически делали Солоневича запрещённым автором: для родины его как бы не существовало. Однако это была иллюзия. Всю жизнь он думал и писал только о ней – о России. Покинутая им в лихолетье 1930-х, она навсегда осталась огромной частью его души, центральной темой его творчества, его болью и надеждой...

Он родился 130 лет назад, в Гродненской губернии. Там же учился и первый публицистический опыт приобрел в газете «Северо-Западная жизнь». Когда разразилась Первая мировая, его, несмотря на богатырское телосложение и серьёзную спортивную подготовку, в армию не призвали: подвела близорукость. Позже Иван Солоневич перебрался в Петроград, где устроился политическим репортёром в ведущее столичное издание «Новое Время». Вот где в полную силу проявился талант свидетеля-острослова! Добавим: весьма пристрастного!

«Я вошел в святилище петербургской политики последних двух лет Императорской России. Редакция "Нового Времени". Редакционные ужины после двух часов ночи, где за бутылкой... каждый из сотрудников делился всем, что узнал за день ("не для печати"). Кулуары Государственной Думы. Министрства. Биржа. Контрольные пакеты... Сплетни о Распутине. "Царица шпионка". Самые гнусные из сплетен – сплетни из великокняжеских салонов... Дикие сцены в Особом Совещании по Обороне. Безмерные жертвы на фронте. Полная прострация мысли и воли в тылу... Развал надвигался стремительными шагами... Последние предреволюционные дни... лазил по окраинам, говорил с рабочими, с анархистами... и с полицией... Хлебные очереди как бикфордовы шнуры», – вспоминал впоследствии Солоневич.

Пагубность разложения общества в условиях тяжелой войны для него была очевидна. Он не мог найти признаков насущной консолидации в стране во имя общей цели – победы. Солоневич писал пронзительно откровенно: «В городе, переполненном проституцией и революцией, электрической искрой пробежала телефонная молва: началась революция. На улицы хлынула толпа. Хлынул также и я». Своё описание Февральского переворота он озаглавил метко: «Великая фальшивка Февраля». Каково название?!

«Я помню февральские дни... какая великая безвозглость спустилась на страну. Сотысячные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге – эти стада: проклятое кровавое самодержавие – кончилось! Над миром восстает заря, лишенная "аннексий и контрибуций", капитализма, империализма, самодержавия и даже православия: вот тут-то заживём! По профессиональному долгу журналиста... толкался и я среди этих стад, то циркулировавших по Невскому проспекту, то заседавших в Таврическом дворце, то ходивших на водопой в разбитые винные погреба. Они были счастливы – эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и

террора, новыми войнами, и гражданскими, и мировыми, полным опустошением половины России, – пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие», – отмечал спустя годы Солоневич.

Интересен его вывод о том, что все еще можно было решить, попросту перестреляв десяток бунтарей из каждой сотни. Он даже упрашивал атамана Александра Дутова во время Корниловского выступления вооружить студенчество в Петрограде с тем, чтобы оно стало дополнительной защитой от левых радикалов, однако получил отказ. Солоневич с горечью писал: «Были пропущены первые, еще робкие языки пламени всероссийского пожара. Их можно было потушить ведром воды – потом не хватило океанов крови»...

Как только власть в Петрограде взяли в свои руки большевики, Солоневич бежал прочь из красной столицы и при первой же возможности присоединился к Белому Движению. Он выполнял самую разнообразную работу, в том числе пропагандную – в газете, издаваемой под эгидой киевского бюро Союза Освобождения России.

При наступлении частей Красной армии на Киев Иван Солоневич успел бежать в Одессу, однако ему не удалось взять с собой жену и сына. Эвакуироваться вместе с белыми он не смог: его свалил сыпной тиф. Уже после эвакуации белой армии неожиданно в Одессу приехала жена Тамара с сыном Юрием. Иван Солоневич к тому моменту поправился, тиф отпустил.

Глава семьи организовал рыболовную артель, Тамаре Владимировне удалось устроиться переводчицей на Одесскую радиостанцию. Но внезапно по доносу старухи-садовницы они были арестованы. И здесь – судьба! Некий Шпигель, которому Иван Лукьянович когда-то оказал какую-то услугу, выкрал материалы из дела Солоневичей, после чего их вынуждены были освободить! Вскоре появился брат Борис, и они организовали бродячий цирк, гастролировали по окрестностям и даже выступали вместе с Иваном Поддубным. Иван стал печататься в советской спортивной прессе и со временем перебрался в Москву и принял решение готовиться к побегу из страны.

Сначала представился шанс отправиться за границу Тамару Солоневич. В сентябре 1932 года Иван Солоневич вместе с братом Борисом и сыном Юрием предприняли попытку перейти границу в Карелии, однако они попали в зону магнитной аномалии и не смогли сориентироваться по компасу. Вторая попытка, готовившаяся в мае 1933 года, сорвалась из-за приступа аппендицита Юрия. Наконец, третью попытку бегства в том же 1933 году постигла неудача из-за предательства одного из членов группы – Николая Бабенко.

Группу потенциальных перебежчиков было решено схватить в поезде, следовавшем в Мурманск, для чего под пассажиров и проводников замаскировали 36 (!) сотрудников ГПУ. Для начала стремившихся бежать из СССР ополчили чаем со снотворным. Позже Иван Солоневич так вспоминал то свое пробуждение: «Помню только, что резко рванулся, отбросил какого-то человека к противоположной стенке купе... что кто-то повис на моей руке, кто-то цепко обхватил

мои колена, какие-то руки сзади судорожно вцепились мне в горло, а прямо в лицо уставились три или четыре револьверных дула... Вагон был наполнен шумом борьбы, тревожными криками чекистов... вцепившись-то раздирающим уши стоном... Вот почтенный "инженер" тычет мне в лицо кольцом, кольт дрожит в его руках, "инженер" приглушенно, но тоже истерически кричит: "Руки вверх! Руки вверх, говорю я вам!" Приказание явно бессмысленное, ибо в мои руки вцепилось человека по три на каждую и на мои запястья уже надета "восьмерка" – наручники, тесно сковывающие одну руку с другой». Так Солоневичи попали в ГУЛАГ. Однако Иван Солоневич не сдался. В 1934 году, он перешёл границу Финляндии.

Там он написал книгу «Россия в концлагере» – первую историю «архипелага ГУЛАГ». Она произвела фурор в Европе и вызвала гнев в Советском Союзе. «Миллионы русских душ борются в СССР, отставивая бытие свое против страшной тьмы и кровавой грязи, которыми большевизм пытается закрыть и замазать свет и солнце русской жизни. Мне страшно думать о судьбах миллионов, медленно и заживо сгнивающих в концентрационных лагерях. Мне страшно думать о том лжепатриотическом словоблудии, которое яркими лозунгами прикрывает самое страшное, что было в нашей истории, – попытки убить и тело, и душу нашего народа», – писал Иван Солоневич.

В Болгарию он прибыл в мае 1936 года. И уже через месяц вышел первый номер его газеты «Голос России», которая распространялась в 52 (!) странах мира. Чекистское управление было в бешенстве. 3 февраля 1938 года в редакцию «Голоса России» пришла посылка. При попытке её вскрыть прогремел страшный взрыв, унесший жизнь Тамары Солоневич. Болгарская полиция установила, что посылка прибыла из советского полпредства (очевидно, предполагалось, что Солоневич сам откроет корреспонденцию). Издатель понял, что на него объявлена охота и далее ему находиться в Болгарии небезопасно и он перехал в Германию...

Никаких иллюзий в отношении Третьего Рейха Солоневич не питал, но надо было спастись. О Гитлере и его приспешниках он писал довольно-таки откровенно: «Если Германия Третьего Рейха попытается реализовать философию Гегеля-Моммзена-Ницше и Розенберга, то каждый русский мужик... начнет истреблять немцев из-за каждого куста... Наполеон продержался шесть месяцев, сколько продержится Гитлер? ...» Года два-три. Но разгром неизбежен абсолютно. На все полтора процента. Разумную цену освобождения от коммунизма русский народ уплатит с благодарностью, за неразумную – морду набьёт».

Немецкое правительство фактически держало Солоневича под замком, лишив его права выезда из Германии и запретив ему заниматься публицистикой. Не ослабевало внимание к Солоневичу и со стороны советских органов: так, однажды на днище машины, в которой он должен был ехать, обнаружили бомбу...

Ситуация изменилась лишь после войны, когда, оказавшись под угрозой выдачи СССР, Солоневич с сыном все-таки получили визу в

Аргентину, куда и прибыли в июле 1948 года. Однако давление советских властей и интриги местной эмиграции привели к тому, что через два года Иван Солоневич вынужден был уехать и из Аргентины: ему вынесли предписание в трехдневный срок покинуть страну. Он перебрался в Уругвай.

В 1953-м усилиями авиаконструктора Игоря Сикорского Солоневич получил разрешение на переезд в США, но воспользоваться им уже не успел... 24 апреля 1953 года он скончался от рака желудка в Монтевидео.

Казалось бы, жалкий конец мытаря? Отнюдь! Солоневич – не мытарь, он – борец. Латиноамериканский период его жизни стал золотым веком его публицистики. Он выпускал газету – «Наша Страна», каждый номер которой содержал пронзительные высказывания издателя. Например: «За всеми тяжкими извилинами нашего пути в Россию нужно иметь в виду нашу путеводную звезду. Эта звезда есть империя Российская. У меня нет ни малейшего сомнения не только в том, что монархия – лучший выход для России, но что монархия для России есть также и неизбежность. Вера в монархию для меня такая же само собою разумеющаяся вещь, как вера в Господа Бога: ни без того, ни без другого Россия восстановлена быть не может».

Но самое важное, что тогда была написана главная его книга – «Народная монархия». В ней Иван Солоневич последовательно доказывал, что процветание России возможно только при монархии и монархия эта должна быть самодержавной. «Никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, неприменимы для путей русской государственности, русской национальности и русской культуры, – считал он. – Политической организацией русского народа на его низах было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было самодержавие... Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия промышленники создадут плутократию, военные – милитаризм, духовные – клерикализм, а интеллигенция – любой "изм", какой только будет в книжной моде в данный исторический момент».

Недоучившийся студент юридического факультета Петербургского университета, политзаключенный, беженец, публицист, писатель и просветитель, всегда презиравший конъюнктуру, предательство и трусость, Солоневич на страницах своих книг был настоящим борцом, непризнанным пророком своего Отечества. Одно из его пророчеств касалось постсоветской России, о которой в начале 1950-х мало кто смел даже мечтать. «После СССР нам будут предлагать очень многое, – предрекал публицист. – И каждый будет врать в свою лавочку. Будет много кандидатов – в министры и вожди, в партийные лидеры и военные диктаторы. Будут ставленники банков и ставленники трестов – не наших. Будут ставленники одних иностранцев и ставленники других. И все будут говорить прежде всего о свободах». Что ж, через четыре десятилетия после смерти Солоневича это пророчество сбылось.

Б. Глебов

Николай Казанцев

МОЯ ПЕРЕПИСКА С АЛЕКСАНДРОМ СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

8

Буэнос Айрес, 23 ноября 1988

Дорогой Александр Исаевич!

От всей души поздравляю Вас с наступающим 70-летием и желаю Вам сил и здоровья на многая, многая лета! В воскресенье 11-го числа в нашем Кафедральном соборе о. Владимир Скалон отслужит по сему поводу благодарственный молебен, а «Наша Страна» его отметит передовицей.

Пишу Вам после многодневной почтовой забастовки и – опасаясь её возобновления – поздравляю уже сейчас Вас, Наталью Дмитриевну и всю Вашу семью с Новым Годом и Рождеством Христовым.

В наш медвежий угол проникают самые ошеломительные слухи. Что мол Ваши произведения, вплоть до ГУЛага, вот-вот будут печататься в России, что якобы сам Горбачёв предлагал Вам возвращаться на родину и что Вы якобы согласились поехать туда на два-три месяца и т. д.

Есть ли хоть какая-то доза правды в этих слухах? Если есть, то ради Бога не забудьте, что Вы обещали взять меня с собой!

Тем не менее, отсюда впечатление такое, что не всё благополучно и что «перестройка» больше воплощается в словах, чем в делах – пока. Дай Бог, чтоб всё-таки лёд тронулся.

Михаил Владимирович и также Анна Николаевна шлют Вам привет и свои поздравления.

Кланяюсь Вашей супруге. Храни Вас Бог! Искренне Ваш преданный
Н. Казанцев

19.12.88

Дорогой Николай Леонидович!

Спасибо за память, за добрые пожелания – так же и Михаилу Владимировичу.

Вам с Анной Николаевной шлём и мы наши самые тёплые пожелания к Новому Году и Рождеству Христову.

Слухи обо мне к Вам, естественно, приходят с опозданием, а что противоречивые, так неудивительно: они и по природе таковы, переменчивы. В августе-сентябре шли письменные переговоры мои с «Новым миром».

С. П. Зальгин, первый беспартийный редактор журнала "Новый Мир"

Зальгин хотел печатать «Корпус» и «Круг», другие издательства порывались тоже что-нибудь старое переиздать, в конце лета фамилия моя как будто даже пере-

стала быть запретной, сильно выплеснулась на страницы разных газет. Но потом раздался грозный голос нового главного идеолога В. Медведева: Солженицын враг социализма, поносит Ленина, совсем ненужная фигура в нашем обиходе.

То есть, если я бы согласился на «Корпус», они охотно бы его напечатали и изобразили бы, что я – всей душой с «перестройкой», а у «гласности» - и границ нет. Но тем бы я надолго удушил «Архипелаг». И моё встречное условие было: начинать только с «Архипелага»! На этом и разошлись.

А что дальше будет – трудно сказать. Почти самовольно в нескольких клубах Москвы отметили моё 70-летие, говорили очень дерзкие речи. Подпор снизу есть – а как будет, что из этого? – поживём-увидим.

Вообще, положение на родине – очень трудное. За 4 года экономически стало пока не лучше, а хуже.

Падают все показатели жизни, нравы, развивается в провинции ночной разбой подростков, – да разве все проблемы перечислить?

Необозримое время надо, и при условиях благоприятных, чтобы страна из этого выбралась, – за столетие?... (Всё это я написал Вам частным образом, не используйте, как Вы иногда раньше делали, в виде цитат от третьих лиц.)

Ваши аргентинские почтовые забастовки – совсем вас закачали? В одной из таких забастовок до меня не дошли №№ 1955-1956, теперь уж и не дойдут; будут лишние у Вас – дошлите. А самые последние приходят тоже не по очереди – но этих ещё дождусь.

Хорошо ли в прошлом январе мы выписали чек Кирееву через Нью-Йоркский банк? Так и теперь сделать? (Повторите в газете, куда лучше слать.) Если нет – шлём АССТ # 78516453, NY Citibank POB 98?

А слухи, что я с Горбачёвым переписывался – утка полная.

И «на два-три месяца» я туда не поеду – а уж поеду тогда, то доживать и умирать. О Вас не забуду. Жму руку. Всего Вам доброго.
Солженицын

Буэнос Айрес, 16 января 1989

Дорогой Александр Исаевич!

Большое спасибо за поздравление и за такое интересное письмо, хотя меня и удручает Ваша пессимистическая оценка положения в России.

Хочется верить, что такие явления как напечатание в советском журнале, например, статьи Владимира Солоухина о «Мемориале» не могут не расшатать режим, ослабить его мёртвую хватку. №№ 1955-1956 выслали Вам вторично. Пожалуйста сообщите пропали ли ещё какие.

Простите, что я своевременно не подтвердил получение Вашего очередного чека для «Нашей Страны», но я думал, что это сделал М. В. Киреев, поскольку счёт в Нью-Йорке – его личный счёт. Впредь можно делать так же. Но можно посылать чек и нашей представительнице в Сан Франциско, Наталье Николаевне Ткачёвой (она из Аргентины и ей всего лишь 22 года). Спасибо ещё и за слова, что Вы меня не забудете. С самого детства душой стремилось вернуться в Рос-

сию – неужели так и не попаду...

Пожалуйста передайте привет Наталье Дмитриевне. Храни Вас Бог. Ваш
Н. Казанцев

Н. Н. Ткачёва – дочь постоянной сотрудницы "НС" и её "Друга №1" Т. Н. Концевич. Она – профессор Калифорнийского Государственного Университета, долготелая представительница газеты на США.

Буэнос Айрес, 16 мая 1989

Христос Воскресе, дорогой Александр Исаевич!

С опозданием поздравляю Вас и Вашу семью с праздником Христова Воскресенья (хотя с Пасхой, кажется, можно 40 дней поздравлять) и желаю Вам сил, здоровья и долготелая.

Давно хотел Вас спросить: что случилось с «Декабристами без декабря», собираетесь ли Вы их публиковать, а если нет, то в каком ключе была написана эта вещь. И ещё: в «Телёнке» Вы упоминали о Вашем намерении писать русскую историю для детей. Есть надежда, что Вы осуществите этот замысел, столь нужный для тех кто будет строить будущее нашей страны? Ведь хоть звучит банально, а это именно так.

М. В. Киреев меня просил затронуть перед Вами один весьма щекотливый вопрос. Дело в том, что нью-йоркский банк не сообщает от кого получен тот или иной взнос. И получается дурацкое положение. Мы не знаем, выслали ли Вы Ваш ежегодный чек в пользу издания газеты, а потому не можем написать Вам благодарственное письмо, потому что это походило бы на недопустимый намёк, на вымогательство. С другой стороны, быть может Вы выслали чек, а не получаете от нас подтверждение о его получении. Поэтому я решился наконец написать Вам об этом, уповаю на то, что Вы поймёте правильно этот шаг.

Итак, если у Вас в будущем будет возможность дальше помогать «Нашей Стране», то высылайте чеки на мой адрес – как было прежде. И также скажите, выслали ли Вы помощь в этом году или нет.

Писатель В. А. Солоухин

Дорогой Александр Исаевич, очень неприятно об этом писать, но поймите, что вышла неразбериха и ради Бога не считите это письмо за что-то хоть отдалённо похожее на скрытую претензию!

Поразительно смело выступает сейчас Солоухин. Интересно, как он относился к Вам после «Ивана

Денисовича»? Ведь против Пастернака он кажется выступал. Думаете ли Вы, что «Память» нащупывает правильный путь? И вообще, во что может перерасти перестройка? Здесь одна дама, собирающаяся ехать в СССР, спросила советского консула какие книги можно туда брать с собой. Его ответ: «всё, кроме Солженицына».

Кланяюсь Наталье Дмитриевне. Храни Вас Бог. Искренне Ваш
Н. Казанцев

3.7.89

Дорогой Николай Леонидович!

Ваше письмо от 16 мая шло очень долго.

Деньги (800 долл) мы перевели на счёт 78516453 Нью-Йорк Сити банк в феврале 27-го – и в марте чек вернулся оплаченным. Я избрал этот путь, ибо у вас частые предупреждения о пропаже чеков в письмах. Если он, всё же, неудобен, скажите к концу года.

«Декабристы без декабря» – это «Пленники», 8 том.

Русскую историю для детей? – это был мой план, если жить в сибирской ссылке, да под сильной цензурой, когда ничего нельзя держать. Увы, это уж кому-то другому, я весь растратил на 1917 год, и это понужней.

Газета Ваша оживилась тем, что вы стараетесь следить за новыми событиями в стране и отзываться на них. Старайтесь помещать этого материала больше, ибо реально надо исходить из того, что сегодня есть и как оно идёт – а не из принципов, как некоторые задали себе 70 лет назад и с тех пор не допускают им никакого развития.

От повторения одних и тех же заклиний Россия не станет к ним восприимчивой, наоборот, там заклиния надоели всем. И можно понять, что Ваша газета отстаивает принцип монархизма в общем виде. – но легитимизм при этом совсем не обязателен, он отсюда не вытекает.

Вы можете видеть из «Красного Колеса», что династия Романовых в 1917 г. сама же и проиграла Россию, исчерпала себя, а родоначальник нынешней ветви даже ходил с красным бантом поклоняться в Думу;

Очень раздражает самоуверенный тон Бровцына (напр. 2006 и позже, и раньше) – как будто с непогрешимых высот властитель положения диктует: на каких он и его единомышленники условиях согласны так и быть снизойти до разговора с советскими – да надо спросить, будут ли ещё советские с ним разговаривать, и какая такая под ним держава? Что за безответственные залёты: что «Россия быстро окрепнет после переворота» (да 100-150 лет надо теперь, чтобы окрепнуть!); будет наводить порядок в Африке (только нам не хватало!) и даже по всему миру.

Очень полезно, что часто печатаете рецензии на вышедшие книги: многим экономит время, чтобы представить, что за книга. Совсем не вредно, когда Федосеев, например перелагает статью из «Здоровья» – ещё кто бы её нашёл и прочёл.

Самые добрые пожелания Вам и А. Н. от нас с Н. Д. Меня, кажется, начинают печатать в Союзе.

Солженицын

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Лидия де Кандия. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чеков: Nicolas Kasanzew, 9225 NE 12 Ave Miami Shores, FL, 33138, USA Адрес для писем: Nicolás Kasanzew, Av. San Martín 3956, San Lorenzo 2200, Pcia. Santa Fe, Argentina. Годовая подписка: В Аргентине - 1500 песо

В Европе – 60 евро. В Австралии - 85 американских долларов. В Канаде - 80 американских долларов. В США и остальных странах – 75 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 483081206479 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL 33154-2068, USA Routing: 021000322 Swift: BOFAUS3N: Мнения авторов не всегда выражают таковые газеты. Сайт: www.nashastrana.net

NUUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции – E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна.